

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

kiam@onego.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ АНТРОПОНИМОС (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ)*

Рассматривается один из дискуссионных теоретических вопросов ономастики – вопрос о семантике имен собственных. Автор признает имена собственные семантически полнозначными и исследует специфику компонентов лексического значения на примере разных видов антропонимических единиц, зафиксированных в делопроизводственной письменности Карелии XV–XVII веков. Сигнификативный компонент в структуре значения антропонимов не является ярко выраженным, как и у всех групп онона. Денотативный и коннотативный компоненты анализируются с учетом деления на календарные и некалендарные личные имена и прозвища, поскольку семное выражение этих компонентов в структуре значения отличается своеобразием. Особо проявляется включенный в состав денотата мотивирующий признак. Однако полный спектр сем не может быть точно определен, так как основным источником исследования функциональных качеств у данных антропонимических единиц является текст документа.

Ключевые слова: ономастическая семантика, историческая антропонимия, календарное и некалендарное личное имя, прозвище, сигнификат, денотат, коннотат, мотив именования

Вопрос о лексическом значении (ЛЗ) имени собственного (ИС) до настоящего времени продолжает оставаться наиболее дискуссионным в исследованиях, посвященных системно-структурному изучению языка. Начиная с античности, очень активно в XIX веке, продуктивно в XX и XXI столетиях, с разной степенью глубины практически в каждой работе, касающейся лексической семантики, затрагивается вопрос о наличии или отсутствии значения у имени собственного, что подтверждает теоретическую значимость данной проблемы. «Мнений остается столько же, сколько спорщиков» [12: 59], хотя в полемике о ЛЗ ИС уже стало хрестоматийным сведение наиболее известных точек зрения к трем основным: 1) ИС не имеет значения, это этикетка, ярлык, который, по словам Дж. Ст. Милля, приклеивается однородным предметам [10]. 2) У О. Есперсена отмечено, что ИС имеет значение только в речи [7]. 3) После работ Л. В. Щербы [14], Е. Куриловича [8] разрабатывается позиция: ИС имеет значение и в языке, и в речи, но иного рода, нежели у имени нарицательного.

Расхождение мнений, по словам В. Д. Бондалетова, обусловлено сложностью и «многоликостью» имен собственных [3: 22] или, как справедливо замечает М. Э. Рут, стремлением решить данный вопрос для всех онона сразу [12: 59]. Размышления М. Э. Рут о семантике отдельной группы проприальной единицы – антропонимов, бытующих в современном социуме, стали толчком и послужили базой для характеристики компонентов ЛЗ на примере именований, зафиксированных в памятниках письменности Карелии донационального периода. Материалы такого рода не были

представлены для целей подобного исследования. Сохраняется та же схема рассмотрения особенностей ЛЗ ИС: сигнификат – денотат – коннотат.

Сначала о сигнификате. Согласимся с исследователями, которые, говоря о понятийной стороне ИС, подводят единичный объект под некоторый класс объектов так, что «по форме отражения и те и другие понятия представляют собой обобщения» [5: 90–91]. Ср. также тезис И. А. Арнольд и Л. Г. Шерemet: «Это чрезвычайно общее понятие всегда присутствует в семантике указанных антропонимов и является фактом языка, а не речи... Причем бинарность языкового (общего) и речевого (частного) в антропонимах предельно противопоставлена: имя вбирает в себя самое общее и самое индивидуальное» [1: 14–15]. Данная идея, обозначенная также в других работах, в какой-то степени является универсальной для любого разряда онимов любой эпохи, то есть и для антропонимов, представленных в источниках любой временной отнесенности, поскольку у них тоже «отсутствует ярко выраженный сигнификат» [12: 60].

Что касается денотата и коннотата, то говорить о данных компонентах в структуре ЛЗ антропонима, отмеченного в письменных источниках, следует уже с учетом различия антропонимических единиц на календарное личное имя, некалендарное личное имя, прозвище¹ и т. д. и, возможно, всей структуры именования в целом, поскольку при выделении денотативного и коннотативного компонентов у данных разрядов антропонимов есть общие и специфические семы.

Прежде чем перейти к анализу особенностей денотативного и коннотативного компонентов,

отметим, что нами принимается положение о том, что социум – основной источник сведений об особенностях функционирования именований; именно через социум особым образом проявляются такие компоненты ЛЗ, как денотат и коннотат (см. [12]). Однако этот тезис корректен для современного ономастикона, когда объективное существование отсоциумных (=речевых) сем устанавливается применительно к конкретному именемуому. Что касается именований, функционировавших в ономастиконе XV–XVII веков, то мы имеем дело с единицами, актуализированными в тексте памятника. Именно его следует считать опосредованым представителем речи. Эта опосредованность является условной, поскольку письменный текст делового документа не дает полной информации о функционировании имени в социуме, и именно поэтому из текста памятника извлекается все, что может иметь отношение к именемуому лицу.

Рассмотрим денотативные и коннотативные компоненты календарного личного имени. В иллюстрации: «*Дер. Цилополе: в ней Тимошка, сеет ржи 2 короби, сена косит 10 копен; обжа; доходу 2 белки, ключнику община*», Шуньгский погост, 1496 (ПКОП: 2)², – выделено модифицированное личное имя из русифицированного ономастикона. Анализ записи позволил определить следующую информацию, связанную с денотатом имени *Тимошка*. Это социальный статус именемуого, принадлежность к определенному месту жительства (в виде расширяющейся географии), указание на собственность, с которой берется налог. Таким образом, вычленяются семы ‘крестьянин’, ‘житель деревни Цилополе Шуньгского погоста в Обонежье’, ‘имеющий определенный доход’. Таким образом, чем больше информации об именемуом находим в тексте, тем большее количество денотативных признаков можно вычленить. Так, помимо уже выявленных сем, через текст могут быть определены различные семейные взаимоотношения: *дер. Головино: в ней Тараско Головина да брат его Кошута*, 1496 (ПКОП: 21): к сфере денотата имени Тараско следует добавить ‘сын человека по прозвищу Голова’, ‘брать Кошуты’; сфера деятельности, например, ‘овчинник’ исходя из записи: *дер. Ваглоба на Шунье озерке: в ней Гридка овчинник* (ПКОП: 6) и проч. Итак, набор определенных денотативных признаков зависит от представления лица в памятнике писцом или от того, насколько часто человек фиксировался в документах. Так, крестьянин *Гриша Сухонос*, житель Выгозерского погоста, 1563 (ПКОП: 160) зафиксирован не только в писцовой книге, но и в отводной 1556 года как *Гриша Офонасов сын Сухонос* (АСМ: 130). Без фиксации 1556 года невозможно было вычленить семы ‘сын Офонасия’ и т. д.

При этом, помимо текстовых сем, важно помнить, что денотат антропонима (как и любого ИС) соотносится с мотивом именования. Поскольку ИС является вторичным по отношению к имени нарицательному (ИН), то, безусловно, при анализе антропонимической единицы возникают

вопросы: 1) В какой мере ЛЗ ИС связано с ЛЗ ИН? 2) Чем обусловлена эта связь? 3) Можно ли в структуре значения ИС выделить те же компоненты, что и у соответствующего ему имени нарицательного? 4) Какова роль этих компонентов?

Вернемся к имени *Тимошка*, которое, как и прочие церковные имена, этимологически соотносилось с иноязычным ИН, оставшимся за чертой словарного состава русского языка донационального периода: заимствовалось и адаптировалось в системе языка имя, а не апеллятив. Таким образом, несмотря на публикации этимологии церковных имен (например, в известных сочинениях М. Грека, Л. Зизания, П. Берынды), связь со значением соответствующего апеллятива была нарушена. Исследовать и предполагать компонент у имени *Тимофей*, мотивированный внутренней формой греческих слов *time* ‘честь, почет’ и *theos* ‘бог’ [11: 266], вряд ли стоит. Наиболее вероятный мотив именования отражал введение человека в круг христиан, оставляя этимологию внутренней формы в стороне³. Поэтому о календарных именах следует говорить как о вторичных номинациях, потерявших связь с мотивирующим апеллятивом еще до момента наречения.

Следовательно, денотат календарного личного имени имеет только текстовую нагрузку, и чем больше сведений, применимых к лицу, в документе, тем более содержательным становится денотат.

Что касается коннотативного компонента, который можно выделить в структуре ЛЗ календарного имени типа *Тимошка*, то однозначно можно отметить только одно: он есть, но его конкретное наполнение остается под вопросом, так как нельзя, как, например, в современном социуме, провести наблюдение за функционированием календарного личного имени. Для его точного обозначения отсутствуют основные условия: 1) возможность сравнения с исходной формой и 2) учет характерных черт жизни имени в средневековом обществе. Так, исходной формой (точкой отсчета, нормой) в современной антропонимической системе является официальное имя (*Тимофей*), все остальные формы по отношению к нему будут маркированы различными коннотациями: уменьшительное, ласкательное, грубое, просторечное и проч. Такие параметры для календарного антропонима, отмеченного в памятниках письменности, остаются предположительными. Мы не знаем, сталкиваясь иногда с единственной фиксацией имени в тексте документа, всего спектра возможных номинаций конкретного лица. Мы не знаем, имело ли именование в социуме определенную оценку и какую эмоцию оно вызывало. Так, в памятниках письменности Карелии XV–XVII веков, помимо самого частого модификата *Тимошка* (319 раз), фиксируются и другие: *Тимоха* (56), *Тимофейко(a)* (11), *Тимонка*, *Тимона*, *Тимош(a)* (по 1) при официальном *Тимофей* (10). Налицо многообразие форм, но использовались ли они при номинации конкретного Тимофея, жившего в Обонежье, неизвестно.

Возможно, осознавалась разница между модификатором и официальным (каноническим) именем, поскольку от официального *Тимофеи* чаще образовывались патронимы (*Тимофеев* – 29) и ойконимы (*Тимофеевская/-ое/-ой* – 29). Приведенная статистика подтверждает вывод исследователей, что модифицированные формы с суффиксами субъективной оценки передавали такие оттенки значения (= коннотат), как смиление, униженность и пренебрежение, реже имели уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение [4: 139]. Однако это утверждение верно только для текста памятника, в котором отражено взаимоотношение сословий. А какой оттенок значения был преобладающим при общении лиц, равных по статусу, или в семье при общении старший ~ младший, установить уже невозможно.

С коннотатом связана и оценка имени с точки зрения пристрастия, «номастического вкуса»: «модные» имена, несмотря на диктат церкви, были во всех регионах Руси, иначе как объяснить существование тезоименности, например в пределах малого социума: *дер. Тайнинское: в ней три Ивашки*, 1496 (ПКОП: 2) или см. количественные показатели по имени *Тимошка*. Как следствие, предположение о возможной оценке имени как красивого и о дополнительной семе, которую необходимо включить в круг денотативных сем, – ‘имя в честь кого-то’.

Перейдем к особенностям проявления компонентов ЛЗ ИС на примере некалендарных личных имен (НЛИ) и прозвищ. Сигнifikат, а также комплекс уже выделенных и описанных сем, входящих в денотативный компонент, у данных антропонимических единиц совпадают с теми, которые обозначены у календарных именований. Отличия касаются денотативного и коннотативного компонентов, обусловленных особым проявлением мотивированного признака, его явной, прозрачной связью с ЛЗ апеллятива. Ср. *Ждан*⁵ – ‘ тот, рождения которого ждали’, *Толстоног* – ‘ тот, у кого толстые ноги’ и под. Не случайно НЛИ и прозвища можно объединить в семантические группы.

Так, НЛИ по семантике основы входят в следующие группы: 1) именование ребенка по порядку рождения (*Первой, Второй... Поздней*); 2) именование ребенка по времени рождения (*Зимко, Подосенко*); 3) именования, указывающие на отношение родителей к факту рождения (*Бажен, Ждан, Неждан, Нечай*); 4) именования, характеризующие внешний вид новорожденного (*Беляйко, Кроха, Некрас, Ушачко, Худячко*) или 5) определяющие черты характера, поведения, ярко выраженные с детства (*Бессонко, Будаец, Гневашко, Томилко, Истомка*). Названия групп в данном случае совпадают с характеризующим денотатом как гипероним, а конкретные соотнесения с именуемым становятся гипонимическими компонентами. Например, за именем *Бессонко* стоят такие семы: ‘особенности поведения’ и ‘ тот, кто плохо спал’. Первая денотативная сема объединяет имя *Бессонко* с такими именами,

как *Вязга, Гневашко* и проч., где также есть сема ‘поведение’, а последняя – дифференциальная – «собственность, принадлежность» некалендарного имени *Бессонко*.

Количество семантических групп у прозвищ также можно свести к обобщающему списку, отражающему связь с денотатом на уровне гиперонима и гипонима, а именно: 1) к названиям лиц по месту жительства (*Белозер, Двинянин, Москвитин, Толвуячин*); 2) к названиям лиц по этнической принадлежности (*Корелячин, Лопин, Чудин*); 3) к названиям лиц по профессии, роду деятельности (*Бирич, Винокур, Кузнец, Сапожник*); 4) к названиям лиц по морально-этическим качествам (*Базыка, Висленя, Деряга, Заляка, Рогоза, Самодур*); 5) к названиям лиц по физическим особенностям (*Белоус, Бибик, Кривоногой, Пуляко, Шадра*). Ср. семы прозвища *Самодур*: интегрирующую – ‘качество характера человека’ и различительную – ‘глупый, самоуверенный человек’, последняя сема установлена на основе сопоставления антропонима с лексическим значением мотивирующего апеллятива *самодур* – ‘то же’.

Если связывать проявление денотативного компонента с социумом, то у НЛИ точкой возникновения таких сем является характеристика ребенка в семье, так как НЛИ давалось при рождении. Прозвище рождается в обществе, выходящем за пределы семьи, поскольку внутренняя форма прозвищ соотносится с апеллятивами, содержащими характерные особенности взрослого человека.

К данным денотативным компонентам следует добавить близкие потенциальные семы. Предполагаем, что и у НЛИ, и у прозвища мотив именования отличала диффузность. Так, у некалендарного имени внутренняя форма контаминировалась с охранным и пожелательным мотивом, а у прозвищ – с профилактическим, иначе трудно объяснить, как могли существовать в системе именований единицы с явно отрицательной внутренней семантикой (типа *Окул Сальное Рыло, Василий Борисов сын Рогатых Вшей*), почему человек самономинировался таким именем. Ср. записи в актах Соловецкого монастыря: *Се яз, Семен Ондреев сын Худокуй*, 1520, купчая (АСМ: 35), *Се яз, Фома Угрим Иванов сын*, 1530/31, мировая (АСМ: 43), *Се яз, Тимофей Левонтеев сын Бушуй*, 1540/41, купчая (АСМ: 53) и проч. Поэтому такие семы, как ‘охрана’, ‘пожелание’ или ‘профилактика’, также надо иметь в виду. Однако, что доминировало при номинации, какой компонент становился преобладающим – это темное пятно в определении наполнения семантики у этих видов антропонимов. Бессспорно: именование появлялось в речи тогда, когда одна из характеристик лица (например, горопливость, нетерпеливость) становилась наиболее яркой, заметной и относительно постоянной. Ср. прозвище *Северга* и апеллятив *северга*, зафиксированный в псковских говорах в значении ‘горопыга, нетерпеливый’ [6, Т. 4: 169]. Акт наречения в данном случае следует рассматривать «как естественный языковой процесс,

обладающий способностью отражать свойства обозначаемых явлений» [5: 89]. Таким образом, возникновение подобных прозвищ было предопределено, так как субъект идеально соответствовал содержанию, заключенному в ЛЗ апеллятива, что еще раз подтверждает тезис: такие именования сохранили яркую характеристику лица, свойственную ИН. Ср. с высказыванием П. Ф. Строссона: «У слов, – естественно и регулярно употребляющихся для единичной референции, дескриптивная сила отражает наиболее для нас важные, заметные, относительно постоянные и прагматические характеристики предметов» [13: 80].

Итак, у некалендарных личных имен и прозвищ денотат тесно связан с лексическим значением апеллятива, по крайней мере, в начале номинативного процесса. С забвением мотива наречения исчезают в лексическом значении ИС и мотивирующие семы денотата. В этом случае отапеллятивное прозвище уподобляется календарным именованиям, обрастая новыми текстовыми семами, поскольку «любое самое меткое и полно характеризующее лицо прозвище все же оказывается гораздо беднее своего значения, поскольку многообразие личности

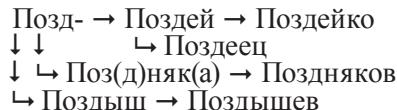
Однако, как и в случае с календарными именами, трудно определить особенности функционирования имени и закрепления за одним лицом разных номинаций.

Подведем итоги. Лексическое значение антропонимов, зафиксированных в письменных источниках, представлено теми же компонентами (сигнификат, денотат, коннотат), что и у любого вида онимов. Однако наполнение этих компонентов семным содержанием (кроме сигнификата) следует рассматривать с учетом деления антропоними-

шире любого заявленного комплекса его параметров» [12: 62].

Теперь о коннотативных компонентах в структуре ЛЗ НЛИ и прозвищ. У прозвищ, восходящих к экспрессивным названиям лиц, коннотация выстраивается на семантической шкале полярно – ‘положительная оценка’ (+) ↔ ‘отрицательная оценка’ (-) – с перевесом к знаку минус, что имплицитно обусловлено стремлением к идеалу. У прозвищ (типа *Ведерник*, *Двинягин*, *Мещерин*), не имеющих экспрессии в основе, коннотация, вероятно, нулевая. Хотя потенциальной семой может служить противопоставление ‘свой’ ↔ ‘чужой’ для антропонимов, образованных от катойконимов, этронимов, а для названий лиц по профессии, роду деятельности в скрытый коннотат следует включить положительную сему – ‘отношение человека к труду’. Однако эти скрытые семы входят в денотат ЛЗ.

У НЛИ коннотации, как и денотат, формировались в семейном социуме, подтверждением являются модификаты, развитая деривация, что и является одним из критериев разграничения НЛИ и прозвищ, ср. словообразовательные гнезда именований, зафиксированных в памятниках письменности Карелии:

ческих единиц на календарные, некалендарные личные имена и прозвища. О сформировавшемся денотативном и коннотативном компонентах у этих антропонимов можно судить по информации, сопровождающей именуемое лицо в тексте документа, а у некалендарных личных имен и прозвищ данные компоненты обусловлены еще и лексическим значением мотивирующего appellativa. Проявление оценок и эмоциональных оттенков связано также с исследованием различных модификаторов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О критериях разграничения некалендарных личных имен и прозвищ см. [9].

² Писцовые книги Обонежской пятини: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930.

³ Лишь небольшая часть календарных именований, возможно, сохранила в структуре значения семы иноязычного апеллятива. Так, Л. В. Бабаева приводит примеры пословиц, включающих календарные имена: «Не будет Маланья – будет другая», «Маланина изба не беседа», «Худая слава, без кафана Савва», «Варвара мне – метка, а правда – сестра» и др., – имевших в период создания пословицы, по мнению исследователя, связь с генетически родственными апеллятивами [2: 405]. Ср.: Малания – из др.-греч. *Mslané* из *mélaina* ‘черная’, ‘темная’, ‘мрачная’, ‘жестокая’; Савва – из арамейского ‘старец’, ‘дед’; Варвара – из др.-греч. *Varbare* ‘иноzemец’ в напорном осмыслиении ‘чужой’ [11: 194, 245, 76].

⁴ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVII вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / АН СССР. Институт истории СССР. Ленинград, отд-ние: Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с.

⁵ Здесь и далее все примечания взяты из памятников письменности Карелии XV—XVII веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. А., Шеремет Л. Г. Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. В. Сентенберг. Волгоград: ВГПИ, 1985. С. 8–16.
2. Бабаева Л. В. Имена собственные в пословицах и поговорках // Ономастика Поволжья. 3. Материалы 3-й конференции по ономастике Поволжья / Отв. ред. Р. В. Кузеев, В. А. Никонов. Уфа, 1973. С. 402–406.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Волков С. С. Лексика русских членитых XVII века: Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
5. Головин Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики: Сб. статей / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1974. № 8–9. С. 88–97.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982.
7. Эсперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В. В. Пасека и С. П. Сафоновой; Под. ред. и предисл. проф. Б. А. Ильина. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с.
8. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 251–266.
9. Кюрушунова И. А. Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 103–108.
10. Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования: Пер. с англ. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 6-е изд. М.: Русские словари: Астрель, 2000. 480 с.
12. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Вып. 4. 2001. № 20. С. 59–64.
13. Строссон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. (Проблемы референции) / Сост., редакция Н. Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 55–86.
14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**ON SEMANTICS OF ANTHROPONOMY
(CASE STUDY OF KARELIAN WRITTEN MONUMENTS OF THE XV–XVII CENTURIES)**

One of the most disputable theoretical issues of onomastics – the question of proper names' semantics is studied in the article. All proper names are considered semantically meaningful. The study explores specific components of the lexical meaning on the example of various anthroponomical units recorded in Karelian clerical scripts of the XV–XVII centuries. A component of “significance” in the structure of anthroponyms is not strongly pronounced. This phenomenon is characteristic of all onomah groups. Denotative and connotative components are analysed considering their division into calendar and non-calendar personal names and nicknames. A motivational component of the unit is studied. However, a full range of the SEM cannot be accurately determined, as the main source of the functional qualities' study in anthropological data units is a text document itself.

Key words: onomastic semantics, historical anthroponomy, calendar and non-calendar personal name, nickname, significant, denotation, connotation, motive naming

REFERENCES

1. Arnol'd I. A., Sheremet L. G. Types of SEM and the structure of the lexical meaning of personal names [Tipy sem i struktura leksicheskogo znachenija lichnykh imen]. *Leksicheskoe znachenie v sisteme yazyka i v tekste: Sb. nauch. trudov*. Otv. red. I. V. Sentenberg. Volgograd, VGPi Publ., 1985. P. 8–16.
2. Babaeva L. V. Proper names in Proverbs and sayings [Imena sobstvennye v poslovitsakh i pogovorkakh]. *Onomastika Povolzh'ya. 3. Materialy 3-joj konferentsii po onomastike Povolzh'ya*. Otv. red. R. V. Kuzeev, V. A. Nikonov. Ufa, 1973. P. 402–406.
3. Bondaleto V. D. *Russkaya onomastika: Ucheb. posobie* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1983. 224 p.
4. Volkov S. S. *Leksika russkikh chelobitykh XVII veka: Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [The vocabulary of the Russian petitions of the seventeenth century: the Form, the traditional etiquette and stylistic means]. Leningrad, Izd-vo Lenigr. un-ta, 1974. 164 p.
5. Golev N. D. The “natural” nomination of objects of nature and their own common name [“Estestvennaya” nominatsiya ob’ektov prirody sobstvennymi i naritsatel’nymi imenami]. *Voprosy onomastiki: Sb. statey*. Otv. red. A. K. Matveev. Sverdlovsk, 1974. № 8–9. P. 88–97.
6. Dal’ V. I. *Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1982.
7. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Per. s angl. V. V. Passeeva i S. P. Safronovoy; Pod. red. i predisl. prof. B. A. Il’ina. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958. 404 p.
8. Kurilovich E. The position of the proper name in the language [Polozhenie imeni sobstvennogo v yazyke]. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. P. 251–266.
9. Kyurshunova I. A. Non-calendar personal names and their cognitive capacities in the regional onomasticon of the medieval era [Nekalendarnye lichnye imena i ikh kognitivnyy potentsial v srednevekovom regional’nom onomastikone]. *Vestnik SPbGU*. Part 9. 2012. Issue 3. P. 103–108.
10. Mill’ Dzh. St. *Sistema logiki sillogicheskoy i induktivnoy. Izlozenie printsipov dokazatel’stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [System of syllogisms and inductive logic. Statement of principles of the proof in connection with methods of scientific research]. Izd. 5-е, ispr. i dop. Moscow, LENAND Publ., 2011. 832 p.
11. Petrovskiy N. A. *Slovar’ russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. 6-e izd. Moscow, Russkie slovari, Astrel’ Publ., 2000. 480 p.
12. Rut M. E. The anthroponyms: reflections on semantics [Antroponimy: razmyshleniya o semantike]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. Issue 4. 2001. № 20. P. 59–64.
13. Strosson P. F. About references [O referentsii]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XIII. Logika i lingvistika. (Problemy referentsii). Sost., redaktsiya N. D. Arutyunovoy*. Moscow, Raduga Publ., 1982. P. 55–86.
14. Scherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'* [Language system and speech activity]. Izd-e 2-е, stereotipnoe. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 432 p.

Поступила в редакцию 16.08.2016